

МЯГКАЯ СИЛА И ОБРАЗ РОССИИ SOFT POWER AND RUSSIA'S IMAGE

DOI: 10.22363/2313-1438-2020-22-2-205-221

Научная статья / Research article

Мягкая сила для России: от восприятия к навыкам латентного управления

А.Е. Коньков

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова,
факультет государственного управления
Российская Федерация, 119991, Москва, Ломоносовский проспект, 27, корп. 4
KonkovAE@spa.msu.ru

Soft Power for Russia: from Adoption to Latent Governance Skills

A.E. Konkov

Moscow State University, School of Public Administration
27-4 Lomonosovsky Prospect, Moscow, 119991, Russian Federation
KonkovAE@spa.msu.ru

Аннотация. Статья посвящена исследованию российского восприятия феномена мягкой силы, изначально концептуализированного в американской политической теории и сохраняющего дискуссионный характер своего приложения в современной политике. Научная новизна заключается в выявлении на основе ретроспективного анализа русскоязычных публикаций по теме мягкой силы постепенного отстраивания от дескриптивного подхода к мягкой силе как инструменту сугубо американской внешней политики формирующейся самостоятельной категории российской мягкой силы, вбирающей в себя представления о способности государства опираться на наиболее эффективные общественные структуры во взаимодействии, в первую очередь с внешними акторами, которая при этом может иметь и внутривнутриполитическое гражданское измерение в части расширения инструментария латентного управления социальными процессами. На фоне рассмотрения публикационной динамики в научных журналах анализируется и постепенное вхождение понятия мягкой силы в дискурс реальной политики России через публичную риторику высшего руководства страны и стратегические внешнеполитические документы. Если изначально российские приоритеты

© Коньков А.Е., 2020.

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>

артикулируются через поиск механизмов противодействия мягкой силе извне, то в дальнейшем последовательно постулируется необходимость выстраивания собственных инструментов мягкой силы, основанных на активном включении во внешнеполитический процесс институтов гражданского общества. Активизация последнего вкупе с множаскими практиками разных стран по выстраиванию отношений с неправительственными организациями при реализации своих национальных интересов становится важным фактором внимания государства к концепту мягкой силы. Российский опыт демонстрирует двусторонний процесс поиска соответствующей национальной модели: государство выражает интерес в формировании дополнительных механизмов, обеспечивающих поддержку своей политики на международной арене, а общество демонстрирует запрос на все более универсальные формы самореализации на конкурентном глобальном рынке.

Ключевые слова: мягкая сила, власть, государство, государственное управление, гражданское общество

История статьи: Поступила в редакцию 04.02.2020. Принята к публикации 12.02.2020.

Для цитирования: *Коньков А.Е.* Мягкая сила для России: от восприятия к навыкам латентного управления // *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология*. 2020. Т. 22. № 2. С. 205–221. DOI: 10.22363/2313-1438-2020-22-2-205-221

Abstract. This article is devoted to the study of Russian perception of soft power, which was initially conceptualized within the American political theory and is still being discussed in terms of its application to real political relations in the modern world. Scientific novelty of the article lies in identifying, based on retrospective analysis of Russian language publications on soft power, gradual shift from descriptive approach to soft power as exclusive instrument of American foreign policy towards an emerging independent category of Russian soft power. The latter incorporates perceptions about the ability of the state to rely on the most effective social structures in interaction, first of all, with external actors, which, however, can also have a domestic civil dimension in terms of expanding the tools for latent management of social processes. Besides considering the publication dynamics in scientific journals, the author also analyzes the gradual entry of the concept of soft power into discourse of real Russian politics through the public rhetoric of country's top leadership and strategic foreign policy documents. Initially, Russian priorities articulated through the search for mechanisms to resist soft power from the outside. Later a consecutive postulate emerged to develop sovereign soft power instruments, based on the active engagement of civil society institutions into foreign policy process. Activation of latter, as well as the growing practices of different countries in building relations with non-governmental organizations in the implementation of their national interests, are becoming important factors to encourage government efforts for soft power. Russian experience demonstrates a two-way process in search for the corresponding national model: while the state expresses interest in developing additional mechanisms that support its policy in the international arena, the society demonstrates a demand for increasingly universal forms of self-realization in a competitive global market.

Keywords: soft power, power, state, governance, civil society

Article history: Submitted on 04.02.2020. Accepted on 12.02.2020.

For citation: Konkov A.E. Soft Power for Russia: from Adoption to Latent Governance Skills. *RUDN Journal of Political Science*. 2020; 22 (2): 205–221. DOI: 10.22363/2313-1438-2020-22-2-205-221

Исследование феномена мягкой силы, вошедшего в обиход политиков и экспертов-международников после концептуализации в работах известного американского теоретика и практика внешней политики Джозефа Ная,

наталкивается на значимую методологическую развилку, предопределяющую вариативность соответствующего дискурса. А именно: описывает ли введенное Дж. Наем понятие особую систему отношений в политике (качество институтов, специфика субъект-объектных связей) либо все же является конкретным приложением, отдельным примером более широкого класса явлений (власть и ее механизмы). Другими словами, чего в научной рефлексии о мягкой силе больше – теории (нормативной концептуализации природы отношений между акторами) или практики (дескриптивного анализа актуальных технологий влияния)?

Вызов, с одной стороны, не оригинальный для гуманитарной сферы знаний, но и отнюдь не праздный, когда речь идет именно о мягкой силе, которая сегодня стала предметом устремлений, если не вожделения, многих государств в их внешней политике. Однако известное «академичное» утверждение немецкого физика XIX века Густава Кирхгофа «Нет ничего практичнее хорошей теории» в данном случае может быть уравновешено более «жестким» тезисом британского философа XX века Бертрانا Рассела: «В передовых странах практика вдохновляет теорию, в других – теория практику» [1, с. 712].

Американская неоконсервативная линия в политической философии, основанная на безусловной ценностной составляющей политики, с одной стороны, и практико-ориентированной теории – с другой, определяет более четкие требования к продуцируемым концептам, нежели философия континентальная, воспроизводящая свою самооценку и способная к познанию ради самого познания. Отмеченная выше методологическая развилка мало-существенна для США – там теория и практика имеют ясную взаимозависимость. В европейской же общественно-политической мысли имеется больший резерв для отвлеченной рефлексии о природе рассматриваемого явления и его гипотетических свойствах, что, в свою очередь, позволяет как раз вариативно подходить к уже выстроенным нарративам.

Если рассматривать мягкую силу как самостоятельное явление, т.е. в том виде, как оно прописано Дж. Наем и его последователями, то вполне предсказуемой становится ее связь с языком, культурой, публичной дипломатией, но самое, возможно, главное – с международными отношениями и внешней политикой. Мягкая сила – это категория, которой в современных исследованиях присущ так называемый мирополитический редукционизм, т.е. она рассматривается в контексте мировой политики, политики верхнего мегауровня. Это уровень, на котором политическое взаимодействие происходит не между индивидами, группами, институтами (партиями и др.), а между государствами и образуемыми ими международными организациями, а также (в меньшей степени) негосударственными игроками, которые все равно часто оказываются проводниками интересов тех или иных государств. Здесь мягкая сила и определяется как способность страны сделать так, чтобы другие страны стремились к тому, что нужно ей.

А если все же мягкая сила – это именно мягкая власть, т.е. особая форма власти как универсальной категории в политике, универсальной формы именно *политических* отношений? Если управление желаниями и устремлениями другого (как особая форма желаний второго порядка) – это способность не только страны (государства), но и субъекта в целом, абстрактного актора, можно ли вести речь о мягкой силе в этой связи?

Джозеф Най помимо обширного академического опыта был вовлечен и в практическую внешнюю политику США: непродолжительное время занимал высокие посты в Госдепартаменте, Пентагоне, разведывательном сообществе. И, несмотря на известные корни, которые обнаруживаются как в западной [2], так и восточной [3] и, кстати, в русской общественно-политической мысли (будет показано ниже), именно Дж. Наю принадлежит авторство понятия «мягкая сила» и с его, а также идеями его коллег принято соотносить подходы к изучению этого явления [4]. При этом взгляды Дж. Ная со временем развивались (и, следует отметить, продолжают развиваться) – в последующие годы им было написано с десяток книг и десятки статей, в которых раскрывались и уточнялись различные аспекты мягкой силы: появились понятия «умной» и «острой» силы, выстраивалось соотношение с методами публичной дипломатии, киберпространством, анализировались практики отдельных стран через призму американских интересов.

Так, в своей первой работе по этой теме “*Bound to Lead: The Changing Nature of American Power*” [5] Дж. Най дал такое определение мягкой силе: это способность добиться того, чтобы другие хотели тех результатов, которые нужны тебе. По сравнению с общим представлением о власти как о способности добиваться от других нужных тебе результатов здесь есть существенное дополнение: чтобы этих же результатов хотели те самые другие, которые их и будут достигать. Позднее Най дополнял свое базовое определение тем, что эта способность должна проявляться без насилия и какой бы то ни было платы [6], через совмещение методов формирования повестки, убеждения и оставления позитивного впечатления [7].

В России интерес к понятию «мягкая сила» возник не сразу: в отечественной академической литературе он появляется в начале 2000-х гг. Возможно, этому способствовала публикация на русском языке статьи Дж. Ная «“Мягкая сила” и американско-европейские отношения» [8]. Однако и до ее появления встречались отдельные работы, упоминавшие этот термин. Примечательно, что одна из первых таких работ использовала другую версию перевода термина на русский язык – «мягкая власть» – это рецензия на тогда только вышедшую новую книгу Дж. Ная “*The Paradox of American Power. Why the World’s Only Superpower Can’t Go It Alone*”. «Именно “мягкая власть” гарантирует Америке уникальную роль в мире», – указывает автор рецензии В. Иноземцев [9, с. 181].

Два года спустя, в 2004 году, только оставивший пост министра иностранных дел Российской Федерации И.С. Иванов публикует в журнале «Полития» статью «Соперничающие модели и сценарии формирования но-

вого миропорядка: суть и перспективы реализации», в которой выделяет в качестве одной из таких моделей «теневое» доминирование США и, ссылаясь на ту же книгу Дж. Ная, указывает: «Такая “мягкая сила”, возможность влиять на другие государства невоенными средствами, является ключевым элементом успеха Америки» [10, с. 9].

Также на американский опыт ссылаются в том же 2004 году С.М. Рогов, рассуждая о различиях подходов демократов и республиканцев к расстановке сил в мире и приводя весьма любопытный как с ретроспективной, так и с современной точек зрения пример мягкой силы: «Демократы также не отказываются от “*hard power*”, но на первый план они выдвигают идею консолидации американского лидерства на основе “*soft power*” – “мягкой силы”. Имеются в виду невоенные факторы силы, связанные с идеологической и информационной сферой. С этой точки зрения, *Windows Microsoft* как раз и есть “*soft power*” – “мягкая сила”. Весь мир сегодня использует американские информационные технологии и через них воспринимает американский образ мысли» [11, с. 14].

В последующие годы стало выходить довольно много работ, посвященных мягкой силе именно в рамках изучения опыта политики США на мировой арене [12–14], а также соответствующие внешнеполитические практики других стран [15–17]. Подобные исследования сохраняют актуальность и сегодня, хотя если десять лет назад американская мягкая сила в качестве предмета рассмотрения характеризовала большинство работ по этой теме, а другие страны выступали отдельными исключениями, то теперь ситуация изменилась с точностью до наоборот. Отечественные авторы демонстрируют больший интерес к мягкой силе Европы, Китая, других стран, рассматривая американские практики в качестве основы для сравнения и своего рода бенчмаркинга [18–21].

Согласно электронному каталогу Российской государственной библиотеки, большая часть диссертаций, защищенных в России по теме мягкой силы, посвящены как раз рассмотрению опыта отдельных стран – Турции, КНР, Германии, Великобритании [22–27]. В 2016 году в СПбГУ защищена первая диссертация по тематике российской мягкой силы [28].

В большей степени исследования отечественных ученых, естественно, связаны с рассмотрением феномена мягкой силы России. В 2006 году в № 2 журнала «Россия в глобальной политике» выходит ряд материалов в рамках рубрики «Объятия “мягкой силы”», в которых рассматриваются различные элементы этой тогда еще не столь популярной политической категории. В одной из статей помимо рассмотрения собственно американского подхода ставится вопрос и о российских возможностях: «Отдельные ведомства осуществляют разрозненные проекты, и часто бывает сложно понять, кто на самом деле отвечает за российскую *soft power*» [29, с. 199–200].

Тогда же, в 2006 году, словно отвечая на озвученный тезис, понятие «мягкая сила» начинает использовать официальный внешнеполитический

дискурс. Впервые, согласно официальным стенограммам МИД России, министр С.В. Лавров упомянул о мягкой силе 11 декабря 2006 года, отметив, что «понятие мощи и величия государства определяется иначе, чем в прошлом: главным образом, в категориях так называемой “мягкой силы”, под которой понимается в том числе его внешнеполитическая привлекательность, умение “играть в команде”, готовность продвигать позитивную повестку дня по всему спектру международных проблем»². В последующем мягкая сила регулярно фигурирует в выступлениях министра, однако чаще в дескриптивном ключе, для характеристики внешнего окружения России и исходящих от него угроз, но никак не политики самой России.

В 2008 году выходит статья А. Казанцева и В. Меркушева о перспективах российской мягкой силы на постсоветском пространстве [30]. Примечательно, что примерно тогда же Б. Межуев публикует в сетевом «Русском журнале» доклад Европейского совета по международным отношениям «“Мягкая сила” новой России», в котором при общем настороженном настрое к России (и сегодня читается вполне злободневно) ее политика по отношению к соседним государствам признается весьма эффективной [31].

С. Кортуннов годом позже расширяет дискурс, рассуждая о мягкой силе России в контексте глобализации и мирового кризиса [32]. М. Лебедева и Ж. Фор тогда же ставят вопрос о высшем образовании как потенциале российской мягкой силы, на что в последующие годы будет делаться особый политический упор [33]. О «мягкой мощи» обменных образовательных программ пишет А. Фоминых [34].

В 2012 году понятие «мягкая сила» окончательно входит в официальный лексикон. В седьмой, заключительной в серии программных предвыборных статей Владимира Путина «Россия и меняющийся мир» о мягкой силе говорится в весьма осторожном ключе: «В ходу все чаще и такое понятие, как “мягкая сила” – комплекс инструментов и методов достижения внешнеполитических целей без применения оружия, а за счет информационных и других рычагов воздействия. К сожалению, нередко эти методы используются для взращивания и провоцирования экстремизма, сепаратизма, национализма, манипулирования общественным сознанием, прямого вмешательства во внутреннюю политику суверенных государств. Следует четко различать – где свобода слова и нормальная политическая активность, а где задействуются противоправные инструменты “мягкой силы”»³.

Здесь уместно обратить внимание на уже упомянутые выше корни рассматриваемого явления в российской общественно-политической мысли, ко-

² Тезисы выступления Министра иностранных дел России С.В. Лаврова на встрече со студентами Факультета мировой политики МГУ им. М.В. Ломоносова // МИД России. 11 декабря, 2006. URL: http://www.mid.ru/web/guest/foreign_policy/news/-/asset_publisher/cKNonkJE02Bw/content/id/385508 (дата обращения: 14.12.2019).

³ Путин В.В. Россия и меняющийся мир // Московские новости. 27 февраля, 2012. URL: <http://www.mn.ru/politics/78738> (дата обращения: 10.12.2019).

торые оказываются созвучны мыслям В. Путина. Историк и философ первой половины XIX века Сергей Глинка указывал на существование двух родов войны: «одна *явная*, производимая вооруженною рукою; другая *сокровенная*, производимая пронырством... Первая нападает, так сказать, на тело Государственное; другая на тело и душу его». Эта вторая представляет, на его взгляд, наибольшую опасность: «Временныя потрясения Царств и болезни телесныя, не столько вредят, сколько разврат, который вкрадывается исподволь, заражает души, умы и повергает народ во всеобщее расслабление» (цит. по: [35, с. 70]). Сокровенная война и пронырство – суть тех же явлений, которые в наши дни описываются в том числе и понятием «мягкая сила». По крайней мере, с позиций ее объекта.

Уже через несколько месяцев после выхода статьи «Россия и меняющийся мир» на очередном совещании послов и постоянных представителей России В. Путиным впервые публично обозначается задача «использования новых технологий, например, так называемой “мягкой силы”»⁴. Произошло это 12 июля 2012 года, и эту дату вполне можно рассматривать в качестве официального признания потребности России в своей политике мягкой силы.

Мягкая сила становится не только объектом интереса политологов и специалистов-международников, не просто характеристикой исследуемой американской или чьей-либо еще внешней политики, но и прямым и публичным активом российской власти по защите своих интересов на внешней арене. Из «противоправного инструмента» она превращается в важный рычаг активности России, закрепляющий ее присутствие в мировой информационной повестке на все последующее десятилетие.

В 2013 году понятие мягкой силы впервые попадает в Концепцию внешней политики, где наряду с определением оно используется в обоих отмеченных выше смыслах: как часть внешних рисков («усиление глобальной конкуренции и накопление кризисного потенциала ведут к рискам подчас деструктивного и противоправного использования “мягкой силы”») и как инструмент повышения эффективности собственной политики («Россия... видит свои задачи в том, чтобы... совершенствовать систему применения “мягкой силы”, искать оптимальные формы деятельности на этом направлении»)⁵.

Однако уже в новой, принятой три года спустя Концепции внешней политики двойное толкование понятия мягкой силы отсутствует, и сохраняется лишь констатация сложившейся реальности: «Неотъемлемой составляющей современной международной политики становится использование для реше-

⁴ Совещание послов и постоянных представителей России // Президент России. Официальный сайт. 12 июля, 2012. URL: <http://www.kremlin.ru/news/15902> (дата обращения: 10.12.2019).

⁵ Концепция внешней политики Российской Федерации // Президент России. Официальный сайт. 12 декабря, 2013. URL: <http://static.kremlin.ru/media/events/files/41d447a0ce9f5a96bdc3.pdf> (дата обращения: 11.12.2019).

ния внешнеполитических задач инструментов “мягкой силы”, прежде всего возможностей гражданского общества, информационно-коммуникационных, гуманитарных и других методов и технологий, в дополнение к традиционным дипломатическим методам»⁶.

Помимо наблюдаемых сегодня спекуляций о якобы вмешательстве России в разнообразные политические процессы в разных странах мира (что в условиях информационного общества уже можно рассматривать в качестве механизма влияния) имеются и более четкие показатели российских «мягких» компетенций, которые так или иначе укладываются в постоянно совершенствующиеся подходы к оценке мягкой силы [36].

Если в 2015 году, когда британское консалтинговое агентство Portland Communications начало выпускать ежегодные рейтинги 30 наиболее успешных в осуществлении мягкой силы стран, Россия там еще не фигурировала, то в 2016 году она уже заняла в нем 27-е, а в 2017 – 26-е место. Несмотря на 28-е место в 2018 году, сама способность страны к использованию данного инструментария, включающего культурные, образовательные, цифровые и другие аспекты, в рамках предложенной авторами методологии ранжирования выглядит вполне устойчивой⁷.

Изучение российской мягкой силы сегодня становится весьма популярным не только в самой России, но и повсеместно на Западе: проводятся конференции, выпускаются статьи [37–39], доклады [40; 41], книги [42]. Российские СМИ регулярно попадают под огонь критики, однако это не мешает им (не исключено, что даже помогает) постоянно расширять свою аудиторию [43].

Если СМИ выступают проводниками мягкой силы, своего рода «средствами доставки», то ее производством, выработкой инструментов влияния занимаются специализированные структуры. В англоязычной традиции (равно как в последнее время и в других языках, использующих латинский алфавит) это *think tanks* – организации, исследующие общественно-политические и социально-экономические процессы и выработку рекомендаций по реализации тех или иных направлений политики государства. В России в последнее время их часто называют фабриками мысли, мозговыми центрами и трестами (прослеживается невольная аналогия с производителями «жесткой силы» – фабриками и заводами вооружений и боеприпасов), однако подобные наименования, как представляется, скорее умозрительные неологизмы, реализующие попытки калькирования именно англоязычного термина. В российской традиции действующие организации так не называ-

⁶ Концепция внешней политики Российской Федерации // Президент России. Официальный сайт. 30 ноября 2016. URL: <http://static.kremlin.ru/media/events/files/ru/ZIR5c3NHwMKfbxUqKvNdqKhkA4vf3aTb.pdf> (дата обращения: 11.12.2019).

⁷ Soft Power 30. Portland Communications. 2015-2018 // SoftPower30. URL: <https://softpower30.com/> (дата обращения: 11.12.2019).

ют – как правило, используется название аналитический (исследовательский, экспертный) центр или институт (реже – комитет, лаборатория, фонд, совет и т.д.).

Согласно докладам *Global Go To Think Tank Index*, ежегодно публикуемым в Университете штата Пенсильвания в рамках исследовательской программы «Аналитические центры и гражданские общества», число российских аналитических центров все последнее десятилетие оставалось стабильно высоким, колеблясь в диапазоне от 103 до 122. При этом в последний год это число удвоилось и теперь составляет 215 центров, что соответствует 7-му месту в мире (после США, Индии, Китая, Великобритании, Аргентины, Германии)⁸.

На что здесь также имеет смысл обратить внимание с точки зрения российской мягкой силы – это интерес к России со стороны зарубежных аналитических центров. Российская Федерация в целом и ее политика в частности как предмет исследования зарубежными экспертами находятся в тренде с точки зрения как отмеченного уже числа публикаций, так и текущих задач исследовательских организаций.

В 2016 году российским аналитическим центром *Rethinking Russia* было проведено исследование так называемого «россиеведения» – практики экспертизы по России и ее политике в зарубежных аналитических центрах. В годы холодной войны в западном академическом дискурсе, как известно, фигурировали особые понятия «советология» (*Sovietology*) и «кремлюнология» (*Kremlinology*); в последнее время более распространено вполне нейтральное “*Russia Studies*”, которое и можно перевести как «россиеведение» или «изучение России».

По итогам исследования *Rethinking Russia* был опубликован «Атлас аналитических центров: русистика за рубежом», в котором отражена информация по 637 аналитическим центрам из 85 стран мира, которые в той или иной степени реализуют проекты по России, изучают ее политику, публикуют соответствующие материалы⁹.

Если, согласно показателям доклада *Global Go To Think Tank Index 2016* года, в мире в целом на тот момент насчитывалось 6846 аналитических центров¹⁰, получается, что около 10% из них так или иначе занимались Россией. И это без учета самих российских центров, долю которых, согласно приве-

⁸ 2018 *Global Go To Think Tank Index Report* // University of Pennsylvania. 29 января, 2019. URL: https://repository.upenn.edu/think_tanks/16/ (дата обращения: 12.12.2019).

⁹ Атлас аналитических центров: русистика за рубежом // *Rethinking Russia*. 01 июня, 2016. URL: <http://rethinkingrussia.ru/2016/06/атлас-аналитических-центров-русисти/> (дата обращения: 13.12.2019).

¹⁰ 2016 *Global Go To Think Tank Index Report* // University of Pennsylvania. 25 января, 2017. URL: https://repository.upenn.edu/think_tanks/12/ (дата обращения: 12.12.2019).

денным цифрам, можно было оценить в дополнительные 1,5% (сегодня их доля заметно выше).

Если проанализировать по отдельным странам их Топ-10 аналитических центров из пенсильванского индекса (по месту в рейтинге и числу номинаций, в которых представлены), то в большинстве случаев Россия будет одним из объектов исследования (в западных странах – США, Великобритания, Франция, Германия, Польша – повсеместно, в восточных – КНР, Индия, Япония, Турция – чуть меньше, но также не менее половины случаев). Все это – предмет отдельного изучения, однако интерес к аналитике по России (вне зависимости от критериев ее оценки) вполне очевиден.

Разность смысловой нагрузки понятия мягкой силы обусловлена зарубежным происхождением термина и вариативностью его перевода на русский язык.

Во-первых, как уже видно из проведенного ретроспективного анализа русскоязычных публикаций, на начальном этапе в ходу были различные переводы обоих слов из словосочетания *soft power*, что привело к использованию выражений «мягкая власть», «гибкая сила», «мягкая мощь» и др.

Тем не менее на сегодняшний день – особенно ввиду формирования официального политического дискурса по этому поводу – выработался общеупотребимый вариант «мягкая сила», хотя точность перевода в данном случае все же не бесспорна.

В английском языке слово “*power*” обладает разными значениями, и с точки зрения разных коннотаций может переводиться одновременно как «власть», «мощь», «сила». Переводя “*soft power*” исключительно как «мягкая сила» и не отдавая в русскоязычном дискурсе должного внимания «властной» составляющей понятия, мы в определенной мере редуцируем описываемое явление сугубо к внешнеполитической проблематике, верхнему мегауровню политики. Такое неосознанное и, по большому счету, искусственное возведение методологического барьера внутри единого предметного поля политики – как внешней, так и внутренней – не может не нести риска упустить объективную динамику универсальных властеотношений внутри современного государства. А ведь власть – это ключевой признак государства, основа суверенитета. От понимания того, как меняется власть под влиянием актуальных вызовов, насколько податлива ее плотность (жесткая, мягкая, колеблющаяся...), зависит и способность управлять устойчивостью государства, определять его роль в глобальном развитии, в динамике общественных отношений [44, с. 152]. Иными словами, как представляется, понятие «мягкая власть» обладает большей смысловой насыщенностью, чем «мягкая сила», и в большей степени передает значение англоязычного “*soft power*” [45].

Во-вторых, помимо вариативности перевода понятия в русском языке пока нет определенности и с его синтаксическим употреблением, а именно: использовать ли конструкцию «мягкая сила» в кавычках или без таковых.

Помимо сугубо грамматической функции кавычки ведь несут в себе и дополнительную смысловую нагрузку – их использование порой предполагает неконвенциональность, инородность, условность заключенного в них понятия. «Мягкая сила» становится внешним атрибутом, некой формой для маркирования того, что должно под мягкой силой пониматься.

И если предположить, что описанная выше разность подходов к понятию (форма рисков со стороны внешних акторов или собственный инструментарий) могла бы служить критерием соответственно для использования или неиспользования кавычек, то реальное употребление термина «мягкая сила этой логики все же лишено: в отечественном политическом дискурсе кавычки повсеместны, в академическом – выглядят произвольными (встречается в равной мере и «мягкая сила», и «мягкая» сила, и мягкая сила).

Наконец, в-третьих, и это, наверное, самое важное, возникновение понятия мягкой силы позволило консолидировать огромный пласт явлений, присутствовавших в российском (и не только сформированном, но и воспринятом в России) осмыслении власти и влияния, механизмов их реализации – как явных, так и неявных.

Такого рода исследований в последнее время особенно много. Большая их часть предсказуемо посвящена рассмотрению внешнеполитического потенциала мягкой силы. Ю.П. Давыдов связывает ее с динамикой властных отношений в условиях глобализации, предполагающей уход от инструментов насилия к более согласованным формам влияния [46]. В.М. Капицын соотносит мягкую силу с идентичностью, обнаруживая в ней обширный субъективно-ценностный потенциал [47]. М.М. Лебедева, в свою очередь, также соотносит, но с пропагандой, отмечая возникающие значимые коммуникационные преимущества именно мягкой силы в современной мировой политике [48]. Обоснованно и выпукло потенциал мягкой силы предстает в анализе актуальной геополитической конкуренции [49; 50].

Подходы, которые выходят за рамки мирополитического рассмотрения феномена мягкой силы, также становятся все более заметны [51; 52]. О.Ф. Русакова на основе анализа современных политико-философских концепций власти обнаруживает устойчивую связь последних как раз с многослойной смысловой структурой мягкой силы и отмечает: «В постиндустриальном информационном обществе основными инструментами властного воздействия выступают дискурсы “мягкой” власти». Они «образуют коммуникативные поля и сети, которые позволяют осуществлять такое переформатирование массового сознания, при котором предложения властных инстанций воспринимаются субъектами как внутренний добровольный и свободный выбор, как проявление собственной интенции к идентичности. В основе такого рода тонких воздействий лежат механизмы культурно-индивидуалистического, рыночно-маркетингового и шоу-политического соблазна» [53, с. 190–191].

Делиберативность публичной политики, ориентация на диалог государства и общества, прямое и косвенное сопротивление любым формам жестко-

го одностороннего влияния определяют новое качество политических отношений не только на международной арене, но и повсюду, где происходит соприкосновение интересов, возникает групповая идентичность, выявляются механизмы коллективного принятия решений.

Таким образом, если в наиболее выпуклом виде форма мягкой силы, ее контуры и функции проявляются на межнациональном, мегаполитическом уровне, где она контрастирует на фоне себе подобных, то природа ее содержания, структурные и процессуальные факторы обнаруживаются, скорее, в специфических, латентных механизмах субъект-объектных отношений власти и управления, которые генерируются и развиваются в конкурентном поле государства и гражданского общества. По сути, последнее дает мандат первому на использование в своих (в идеале, конечно, в общих) интересах именно общественных продуктов (языка, культуры, ценностей) и формируемых на их основе структур.

Роль и значение мягкой силы остается предметом изучения, и не только в среде ученых и экспертов, но и в реальной политике. Совершенно очевидно, что меняющееся положение гражданских структур отражается не только на внутренней политике государства, но и на его инструментарии во внешней среде. Современным демократическим центрам принятия решений все сложнее формулировать политику – устоявшиеся традиционные институты представительства все чаще дают сбой как в силу своих структурных особенностей, так и вследствие растущего недоверия к ним.

Структуры внутри общества умеют самостоятельно находить общий язык и продуцировать необходимые нормы и ценности. Однако если прежде это было спецификой отдельных демократических моделей, теперь общественные институты все реже ограничены жесткими национальными рамками. В этих условиях властным институтам становится все сложнее обеспечивать свой монополизм, в форме которого предстает суверенитет – как внутренний, так и внешний. Все более востребованными становятся механизмы мягкого, латентного влияния, основанные не столько на силовом компоненте, сколько на технологиях делиберации и обратной связи. В условиях все более активной цифровизации, легитимирующей волю всякого рядового пользователя, конкурентоспособность государства начинает определяться его способностью к латентному управлению, гибкому диалогу, мягкому властвованию – как внутри, так и вовне.

Новизна проведенного исследования заключается в том, что на основе ретроспективного анализа русскоязычного дискурса мягкой силы было выявлено постепенное отстраивание от восприятия ее как технологии сугубо американской внешней политики и постепенное формирование на ее основе новых управленческих инструментов государства, которые, будучи ориентированы на внешнеполитические приоритеты, оказались весьма востребованы и для задач внутренней консолидации. Эффективность такого рода инструментов еще предстоит оценить. Вместе с тем для современного

Российского государства, вызовы развитию которого все чаще имеют внешнюю природу, актуальной задачей становится поиск наиболее оптимальной модели взаимодействия с гражданским обществом, в которой не было бы традиционной дихотомии для внутреннего и внешнего потребления. Поэтому в умении власти быть эффективной в диалоге с людьми, возможно, и концентрируется искомая мягкая сила современного государства.

Библиографический список

- [1] *Рассел Б.* История западной философии: в 3 кн. Новосибирск: Сиб. унив. изд-во, 2003. 992 с.
- [2] *Грамини А.* Тюремные тетради в трех частях. М.: Политиздат, 1991. 560 с.
- [3] *Дао Дэ цзин.* Древнекитайская философия. М.: Мысль, 1972. С. 114–138.
- [4] *Gallarotti G.M.* Soft Power: What it is, Why it's Important, and the Conditions Under Which it Can Be Effectively Used // *Journal of Political Power*. 2011. Vol. 4. № 1. P. 25–47. DOI: <https://doi.org/10.1080/2158379X.2011.557886>
- [5] *Nye J.S.* Bound to Lead: The Changing Nature of American Power. New York, Basic Books, 1990. 336 p.
- [6] *Nye J.S.* Soft Power: The Means to Success in World Politics. New York: Public Affairs, 2004. 192 p.
- [7] *Nye J.S.* The Future of Power. New York: Public Affairs, 2011. 320 p.
- [8] *Най Дж.* «Мягкая сила» и американско-европейские отношения // *Свободная мысль-XXI*. 2004. № 10. С. 33–41.
- [9] *Иноземцев В.Л.* Полезные рекомендации политическому классу Америки // *Полис. Политические исследования*. 2002. № 5. С. 180–185.
- [10] *Иванов И.С.* Соперничающие модели и сценарии формирования нового миропорядка: суть и перспектива реализации // *Полития*. 2004. № 4. С. 5–14.
- [11] *Рогов С.М.* Стратегическое одиночество России // *Экономические стратегии*. 2004. № 4. С. 12–17.
- [12] *Уткин А.И.* Зачем Россия Америке? // *Международные процессы*. 2004. № 5. С. 130–137.
- [13] *Бакина А.* США: к вопросу о «мягкой» и «жесткой» силе в условиях глобального доминирования // *Власть*. 2007. № 7. С. 92–98.
- [14] *Приходько О.В.* «Американский интернационализм» vs «европейская многосторонность» // *США и Канада: экономика, политика, культура*. 2008. № 10. P. 4–25.
- [15] *Троицкий М.А.* Европейский союз в мировой политике // *Международные процессы*. 2004. № 5. С. 43–58.
- [16] *Куланов А.Е.* Культурная дипломатия Японии // *Ежегодник Японии*. 2007. № 36. С. 116–130.
- [17] *Ломанов А.В.* «Мягкое побеждает жесткое»: создание современного образа Китая // *Раздвигая горизонты науки: к 90-летию академика С.Л. Тихвинского*. М.: Памятники исторической мысли, 2008, С. 740–757.
- [18] *Дейч Т.Л., Сериккалиева А.Е.* «Мягкая сила» как орудие политики Китая в Африке // *Азия и Африка сегодня*. 2017. № 3. С. 2–8.
- [19] *Ягья В.С., Ковалевская Н.В., Минфу Л.* Стратегия «мягкой силы» во внешней политике КНР в Африке // *Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки*. 2015. № 9. С. 77–84.
- [20] *Егоров А.И., Гудгольд А.М.* «Мягкая сила»: немецкий опыт реализации // *Вестник Поволжского института управления*. 2017. № 1. С. 25–32.
- [21] *Ковалевская Н.В.* Роль испанского языка как «мягкой силы» во внешней политике Испании // *Историческая и социально-образовательная мысль*. 2015. Т. 7. № 5–2. С. 141–145.

- [22] Ковба Д.М. «Мягкая сила» как политическая стратегия государств Восточноазиатского региона: дис. ... канд. полит. наук. Екатеринбург, 2017. 173 с.
- [23] Бояркина А.В. «Мягкая сила» как политический инструмент реализации внешней политики КНР на рубеже XX–XXI вв: дис. ... канд. полит. наук. Владивосток, 2016. 234 с.
- [24] Зубкова А.И. Стратегия мягкой силы в контексте трансформации политической системы Турецкой Республики в период 2002–2014 гг: дис. ... канд. полит. наук. Москва, 2015. 139 с.
- [25] Рустомова Л.Р. «Мягкая сила» во внешней политике современной Германии: дис. ... канд. полит. наук. М., 2017. 175 с.
- [26] Тарабарко К.А. Мягкая сила культуры Китая: концептуальное содержание и практики реализации: дис. ... канд. филос. наук. Чита, 2017. 216 с.
- [27] Харитонова Е.М. «Мягкая сила» во внешней политике государства: опыт Великобритании (вторая половина 1990-х – 2010-е гг.): дис. ... канд. полит. наук. М., 2017. 216 с.
- [28] Агеева В.Д. Роль инструментов «мягкой силы» во внешней политике Российской Федерации в контексте глобализации: дис. ... канд. полит. наук. СПб., 2016. 279 с.
- [29] Кононенко В. Создать образ России? // Россия в глобальной политике. 2006. № 2. С. 192–201.
- [30] Казанцев А.А., Меркушев В.Н. Россия и постсоветское пространство: перспективы использования «мягкой силы» // Полис. Политические исследования. 2008. № 2. С. 122–135.
- [31] Леонард М., Попеску Н. «Мягкая сила» новой России // Русский журнал. Май 2008. С. 97–112.
- [32] Кортунов С.В. «Мягкая» сила России в контексте глобализации и мирового кризиса // Международная экономика. 2009. № 12. С. 5–20.
- [33] Лебедева М.М., Фор Ж. Высшее образование как потенциал «мягкой силы» России // Вестник МГИМО-Университета. 2009. № 6. С. 200–205.
- [34] Фоминых А.Е. «Мягкая мощь» обменных программ // Международные процессы. 2008. № 16. С. 76–85.
- [35] Лунарева Н.Н. «Отечестволюбец»: общественно-политическая деятельность и взгляды Сергея Николаевича Глинки // Тетради по консерватизму. 2015. № 2. С. 61–116.
- [36] Харитонова Е. Эффективность «мягкой силы»: проблема оценки // Мировая экономика и международные отношения. 2015. № 6. С. 48–58.
- [37] Keating V.C., Kaczmarek K. Conservative soft power: liberal soft power bias and the 'hidden' attraction of Russia // Journal of International Relations and Development. 2019. Vol. 22. P. 1–27. DOI: <https://doi.org/10.1057/s41268-017-0100-6>
- [38] Wilson J.L. Russia and China respond to soft power: Interpretation and readaptation of a Western construct // Politics. 2015. Vol. 35. № 3–4. P. 287–300. DOI: <https://doi.org/10.1111/1467-9256.12095>
- [39] Walker C. The Hijacking of «Soft Power» // Journal of Democracy. 2016. Vol. 27. № 1. P. 49–63. DOI: <https://doi.org/10.1353/jod.2016.0007>
- [40] Grigas A. Legacies, coercion and soft power: Russian influence in the Baltic States. London: Chatham House, 2012. 16 p.
- [41] Pallin C.V., Oxenstierna S. Russian Think Tanks and Soft Power // Totalförsvarets forskningsinstitut (FOI). 09 сентября, 2017. URL: <https://www.foi.se/rapportsammanfattning?reportNo=FOI-R--4451--SE>. Accessed: 12.12.2019.
- [42] Van Herpen M.H. Putin's Propaganda Machine: Soft Power and Russian Foreign Policy. Lanham: Rowman & Littlefield, 2015. 319 p.
- [43] Richter M.L. What We Know about RT (Russia Today) // European Values. 10 сентября, 2017. URL: <https://www.europeanvalues.net/wp-content/uploads/2017/09/What-We-Know-about-RT-Russia-Today-1.pdf>. Accessed: 12.12.2019.
- [44] Коньков А.Е. Чем мягче, тем сильнее: гибридизация власти // Сравнительная политика. 2016. Том 7. № 4. С. 151–160. DOI: [https://doi.org/10.18611/2221-3279-2016-7-4\(25\)-151-160](https://doi.org/10.18611/2221-3279-2016-7-4(25)-151-160)

- [45] Панова Е.П. Сила привлекательности: использование «мягкой власти» в мировой политике // Вестник МГИМО-Университета. 2010. № 4. С. 91–97.
- [46] Давыдов Ю.П. «Жесткая» и «мягкая» сила в международных отношениях // США и Канада: экономика, политика, культура. 2007. № 1. С. 3–24.
- [47] Капицын В.М. Космополитизм – компонент «мягкой силы» и глобального управления // Научно-аналитический журнал Обозреватель – Observer. 2009. № 10. С. 70–79.
- [48] Лебедева М.М. «Мягкая сила»: понятие и подходы // Вестник МГИМО-Университета. 2017. Т. 3. № 54. С. 212–223.
- [49] Филимонов Г.Ю. Актуальные вопросы формирования стратегии «мягкой силы» во внешней политике Российской Федерации // Геополитический журнал. 2013. № 1. С. 24–36.
- [50] Наумов А.О. «Мягкая сила» и «цветные» революции // Российский журнал правовых исследований. 2016. № 1. С. 73–86.
- [51] Nisbett M. Who Holds the Power in Soft Power // *Arts & International Affairs*. 2016. Vol. 1. № 1. P. 110–148.
- [52] Андреев А.Л. «Мягкая сила»: аранжировка смыслов в российском исполнении // Полис. Политические исследования. 2016. № 5. С. 122–133. DOI: <https://doi.org/10.17976/jpps/2016.05.10>
- [53] Русакова О.Ф. Концепт «Мягкой» силы (soft power) в современной политической философии // Научный ежегодник Института философии и права Уральского отделения Российской академии наук. 2010. № 10. С. 173–192.

References

- [1] Russell B.A. *History of Western Philosophy*. Novosibirsk: Sib. univ. izd-vo, 2003. 992 p. (In Russ.).
- [2] Gramsci A. *Prison Notebooks*. Moscow, Politizdat, 1991. 560 p. (In Russ.).
- [3] Tao Te Ching. *Drevnekitajskaya filosofiya*. Moscow, Mysl', 1972. 114–138 p. (In Russ.).
- [4] Gallarotti G.M. Soft Power: What it is, Why it's Important, and the Conditions Under Which it Can Be Effectively Used. *Journal of Political Power*. 2011; 4 (1): 25–47. DOI: 10.1080/2158379X.2011.557886
- [5] Nye J.S. *Bound to Lead: The Changing Nature of American Power*. New York, Basic Books, 1990. 336 p.
- [6] Nye J.S. *Soft Power: The Means to Success in World Politics*. New York, Public Affairs, 2004. 192 p.
- [7] Nye J.S. *The Future of Power*. New York: Public Affairs, 2011. 320 p.
- [8] Nye J. Soft Power and American-European relations. *Svobodnaya mysl' – XXI vek*. 2004; 10: 33–41.
- [9] Inozemcev V.L. Helpful Recommendations for American Political Class. *Polis. Political Studies*. 2002; 5: 180–185. (In Russ.).
- [10] Ivanov I.S. Competing Models and Scenarios for Forming New World Order: Sense and Perspective for Realization. *Politiya*. 2004; 4: 5–14. (In Russ.).
- [11] Rogov S.M. Strategic Solitude of Russia. *Economic Strategies*. 2004; 4: 12–17. (In Russ.).
- [12] Utkin A. I. What is Russia for America? *International Trends*. 2004; 5: 130–137. (In Russ.).
- [13] Bakina A. USA: Approaching the Issue of Soft and Hard Power in Terms of Global Dominance. *Vlast'*. 2007; 7: 92–98. (In Russ.).
- [14] Prihod'ko O.V. American Internationalism vs European Multilateralism. *USA v Canada: Economics – Politics – Culture*. 2008; 10: 4–25. (In Russ.).
- [15] Troitskij M.A. European Union in World Politics. *International Trends*. 2004; 5: 43–58. (In Russ.).
- [16] Kulanov A.E. Cultural Diplomacy of Japan. *Yearbook Japan*. 2007; 36: 116–130. (In Russ.).

- [17] Lomanov A.V. The Soft Wins the Hard: Establishing the Modern Image of China. *Widening Horizons for Science: 90 years of Academician S.L. Tihvinskiy*. Moscow, Pamyatniki istoricheskoy mysli, 2008: 740–757. (In Russ.).
- [18] Dejch T.L., Serikkalieva A.E. Soft Power as a Political Tool of China in Africa. *Asia and Africa Today*. 2017; 3: 2–8. (In Russ.).
- [19] Yag'ya V.S., Kovalevskaya N.V., Minfu L. Strategy of Soft Power in the Foreign Policy of PRC in Africa. *Humanities, Social-Economic And Social Sciences*. 2015; 9: 77–84. (In Russ.).
- [20] Egorov A.I., Gudgol'd A.M. Soft Power: German Experience. *Vestnik Povolzhskogo instituta upravleniya*. 2017; 1: 25–32. (In Russ.).
- [21] Kovalevskaya N.V. The Role of the Spanish Language as Soft Power for the Foreign Policy of Spain. *Istoricheskaya i social'no-obrazovatel'naya mysl'*. 2015; 7 (5–2): 141–145. (In Russ.).
- [22] Kovba D.M. *Soft Power as a Political Strategy of States in the Eastern Asia Region*. Cand. Diss. (Polit.) Ekaterinburg, 2017. 173 p. (In Russ.).
- [23] Boyarkina A.V. *Soft Power as a Political Instrument for Realization of Foreign Policy of PRC between XX and XXI centuries*. Cand. Diss. (Polit.). Vladivostok, 2016. 234 p. (In Russ.).
- [24] Zubkova A.I. *Soft Power Strategy in the Context of the Political System of the Turkish Republic Transformation in the period of 2002–2014*. Cand. Diss. (Polit.). Moscow, 2015. 139 p. (In Russ.).
- [25] Rustamova L.R. *Soft Power in Foreign Policy of Modern Germany*. Cand. Diss. (Polit.). M., 2017. 175 p. (In Russ.).
- [26] Tarabarko K.A. *Soft Power of the Culture of China: Conceptual Content and Practices of Realization*. Cand. Diss. (Philos.). Chita, 2017. 216 p. (In Russ.).
- [27] Haritonova E.M. *Soft Power in the Foreign Policy of a State: the experience of Great Britain (second half 1990s – 2010s)*. Cand. Diss. (Polit.). Moscow, 2017. 216 p. (In Russ.).
- [28] Ageeva V.D. *The Role of Soft Power in Foreign Policy of the Russian Federation in the Context of Globalization*. Cand. Diss. (Polit.). St.-Petersburg, 2016. 279 p. (In Russ.).
- [29] Kononenko V. Create an Image of Russia? *Russia in Global Affairs*. 2006; 2: 192–201. (In Russ.).
- [30] Kazancev A.A., Merkushev V.N. Russia and Post-Soviet Space: Perspectives for Applying Soft Power. *Polis. Political Studies*. 2008; 2: 122–135. (In Russ.).
- [31] Leonard M., Popesku N. Soft Power of New Russia. *Russian Journal*. 2008; May: 97–112. (In Russ.).
- [32] Kortunov S.V. Soft Power of Russia in the Context of Globalization and Global Crisis. *The World Economics*. 2009; 12: 5–20. (In Russ.).
- [33] Lebedeva M.M., For J. Higher Education as a Potential of Soft Power. *MGIMO Review of International Relations*. 2009; 6: 200–205. (In Russ.).
- [34] Fominyh A.E. Soft Power of the Exchange Programs. *International Trends*. 2008; 16: 76–85. (In Russ.).
- [35] Lupareva N.N. “The Love to Motherland”: Social and Political Activity and Views of S.N. Glinka. *Conservatism Notebooks*. 2015; 2: 61–116. (In Russ.).
- [36] Kharitonova E. Soft Power Effectiveness: Problem Of Evaluation. *World Economy and International Relations*. 2015; 6: 48–58. (In Russ.).
- [37] Keating V.C., Kaczmarska K. Conservative soft power: liberal soft power bias and the ‘hidden’ attraction of Russia. *Journal of International Relations and Development*. 2019; 22 (1): 1–27. DOI: <https://doi.org/10.1057/s41268-017-0100-6>
- [38] Wilson J.L. Russia and China respond to soft power: Interpretation and readaptation of a Western construct. *Politics*. 2015; 35 (3–4): 287–300. DOI: <https://doi.org/10.1111/1467-9256.12095>

- [39] Walker C. The Hijacking of «Soft Power». *Journal of Democracy*. 2016; 27 (1): 49–63. DOI: <https://doi.org/10.1353/jod.2016.0007>
- [40] Grigas A. *Legacies, coercion and soft power: Russian influence in the Baltic States*. London: Chatham House, 2012. 16 p.
- [41] Pallin C.V., Oxenstierna S. Russian Think Tanks and Soft Power. *Totalförsvarets forskningsinstitut (FOI)*. 2017 Sept. 09. URL: <https://www.foi.se/rapportsammanfattning?reportNo=FOI-R--4451--SE>. Accessed: 12.12.2019.
- [42] Van Herpen M.H. *Putin's Propaganda Machine: Soft Power and Russian Foreign Policy*. Lanham: Rowman & Littlefield, 2015. 319 p.
- [43] Richter M.L. What We Know about RT (Russia Today) // *European Values*. 2017 Sept. 10. URL: <https://www.europeanvalues.net/wp-content/uploads/2017/09/What-We-Know-about-RT-Russia-Today-1.pdf>. Accessed: 12.12.2019.
- [44] Kon'kov A.E. The Softer One, the Stronger It: Hybridization of Power. *Comparative Politics*. 2016; 7 (4): 151–160. DOI: [https://doi.org/10.18611/2221-3279-2016-7-4\(25\)-151-160](https://doi.org/10.18611/2221-3279-2016-7-4(25)-151-160) (In Russ.).
- [45] Panova E.P. Power of Attractiveness: “Soft Power” in World Politics. *MGIMO Review of International Relations*. 2010; 4: 91–97. (In Russ.).
- [46] Davydov Y.P. Hard and Soft Power in International Relations. *USA v Canada: Economics – Politics – Culture*. 2007; (1): 3–24. (In Russ.).
- [47] Kapicyun V.M. Cosmopolitanism is a Component of Soft Power and Global Governance. *Nauchno-analiticheskij zhurnal Obozrevatel' – Observer*. 2009; 10: 70–79. (In Russ.).
- [48] Lebedeva M.M. Soft Power: the Concept and Approaches. *MGIMO Review of International Relations*. 2017; 3 (54): 212–223. (In Russ.).
- [49] Filimonov G. Y. Relevant Issues of Forming the Strategy of Soft Power in the Foreign Policy of the Russian Federation. *Geopolitical journal*. 2013; 1: 24–36. (In Russ.).
- [50] Naumov A.O. Soft Power and Color Revolutions. *Russian journal of legal studies*. 2016; 1: 73–86. (In Russ.).
- [51] Nisbett M. Who Holds the Power in Soft Power. *Arts & International Affairs*. 2016; 1 (1): 110–148.
- [52] Andreev A.L. Soft Power: Arrangement of Senses, Russian Style. *Polis. Political Studies*. 2016; 5: 122–133. DOI: <https://doi.org/10.17976/jpps/2016.05.10> (In Russ.).
- [53] Rusakova O.F. The Concept of Soft Power in the Modern Political Philosophy. *Yearbook of the Institute of Philosophy and Law*. 2010; 10: 173–192. (In Russ.).

Информация об авторе:

Коньков Александр Евгеньевич – кандидат политических наук, доцент кафедры политического анализа факультета государственного управления Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова (ORCID ID: 0000-0002-6198-9962) (KonkovAE@spa.msu.ru).

Information about the author:

Alexander E. Konkov – PhD in Political Science, Associate Professor at Policy Analysis Department, School of Public Administration, Lomonosov Moscow State University (ORCID ID: 0000-0002-6198-9962) (KonkovAE@spa.msu.ru).